

М. Н. Гернет

ОБЩАЯ ОЦЕНКА СМЕРТНОЙ КАЗНИ*

Хотя в современных спорах о смертной казни еще и не замолкли голоса, отстаивающие ее в целях справедливого возмездия за наиболее важные преступления, но они не раздаются уже хором, как звучали ранее, и во всяком случае они не настолько сильны, чтобы к ним прислушивались. Споры о сохранении или отмене этого наказания перенесены теперь на другую почву: оказывает ли смертная казнь влияние на уменьшение преступлений и не приводит ли ее отмена к их росту? Ответ на эти вопросы может быть найден в цифрах уголовной статистики.

Мы решили выяснить движение преступлений, облагавшихся ранее смертной казнью или караемых ею до сих пор по различным странам, которые разделены нами на три группы. В первую вошли государства, отменившие смертную казнь, во вторую – сохранившие ее, но отказавшиеся от ее употребления, и в третью – применяющие ее.

Среди государств первой группы Италия представляет особенно интересный материал: она имеет за собою печальную известность страны кровавой преступности. Число убийств здесь постоянно было громадно. Но, несмотря на это, уголовный кодекс Италии, вступивший в действие с 1 января 1890 г., вычеркнул смертную казнь из лестницы наказаний. Ее защитникам такая отмена представлялась особенно рискованным опытом. Они были уверены, что несдерживаемые страхом сурового, но справедливого, по их мнению, возмездия убийства превьсят и те высокие цифры, которых они уже достигли при существовании угрозы смертью. Но этого не случилось; наоборот, они начали уменьшаться, и такое уменьшение не было

* Гернет М. Н. *Смертная казнь*. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. С. 134–149.

случайным или временным явлением: оно безостановочно продолжалось по всем провинциям Италии из года в год, как это видно из следующей таблицы:

Таблица 1. Италия. Донесения о числе убийств на 100000 жителей [1, р. 51]

Название провинции	1879- 1883	1902- 1906	Уменьшение, %
Piemonte	8,21	4,84	41,0
Liguria	7,01	5,89	15,9
Lombardia	4,87	2,99	38,6
Veneto	6,37	2,31	63,7
Emilia	9,02	4,01	55,8
Toscana	13,76	4,96	63,7
Marche	15,70	5,70	63,6
Umbria	19,96	5,47	65,9
Lazio	27,85	11,61	58,3
Abruzzie Molise	29,92	10,61	64,5
Campania	32,03	15,30	52,2
Puglie	18,61	9,23	50,4
Basilicata	32,03	13,44	58,0
Calabria	35,79	12,27	67,7
Sicilia	37,36	24,09	35,0
Sardegna	34,24	18,28	46,6
Вся Италия	17,88	8,94	50,0

Из этой таблицы видно, что число донесений об убийствах уменьшилось во всей Италии на 50 процентов, в шести провинциях процент уменьшения превысил 60, в пяти провинциях он был выше 50, в двух – более 40 и в двух же – выше 30: только в одной провинции это уменьшение выразилось небольшим процентом – 15,9.

Но уменьшение убийств (*omicidii volontari e oltre l'intenzione*) было не только во всей Италии, но и почти за все годы, как это видно из нашей таблицы:

Таблица 2. Италия. Донесение об убийствах [2, р. XIV-XV]

	Абсол. числа	На 100000 жителей
1880- 1886	4620	16,10
1887- 1889	4089	13,76
1890- 1892	3993	13,16
1893- 1895	4043	13,05
1896- 1898	3874	12,25
1899- 1901	3411	10,58
1902	3202	9,79
1903	3106	9,42
1904 [1]	3011	
1905	2847	
1906	2612	

Итак, Италия не оставляет никакого сомнения, что отмена в ней смертной казни не только не привела к росту кровавой преступности, но и не остановила начавшегося с 1880 г. уменьшения числа донесений об убийствах.

Мы приходим к таким же выводам из рассмотрения цифровых данных уголовной статистики Голландии, где смертная казнь была отменена в 1870 году. За шестьдесят лет, предшествовавших отмене смертной казни, на каждый год приходилось по 8 приговоров к смерти. Если бы смертная казнь действительно удерживала от преступлений, то следовало бы ждать роста преступлений, каравшихся ранее смертью, а, следовательно, и увеличение приговоров к пожизненному заключению, которое заменило наказание смертью. Но этого не произошло: в 1871 и 1872 гг. было по 5 приговоров к пожизненному заточению; на последующие же 13 лет пришлось всего двенадцать таких приговоров [3, с. 107; 4, р. 261]. Важнейшее преступление — предумышленное убийство, относительно которого мы располагаем сведениями за 1896–1906 гг. [5], не стало совершаться чаще, чем прежде:

1896	6	1902	2
1897	5	1903	6
1898	6	1904	10
1899	6	1905	5
1900	4	1906	9
1901	6		

М. Ivernès, рассматривавший движение в Голландии тяжелой преступности, нашёл, что она уменьшается. Итак, отмена и здесь смертной казни не привела к тем дурным последствиям, которых опасались защитники этого наказания.

Проф. Лигман [6, S. 51, 54, 56] в цитированной нами книге приводит полученные им цифры убийств в других государствах, отменивших смертную казнь, и здесь также заметно уменьшение убийств. Так, в Румынии, где смертная казнь была, как мы знаем, отменена в 1864 г., число убийств с 5,6 в 1876 г. на сто тысяч жителей понизилось до 2,5 в 1907 г. на то же число жителей; в Норвегии в четырехлетие после отмены смертной казни было осуждено в 1905–1908 гг. всего 12 лиц за убийство и покушение на него, между тем как в 1893–1896 гг. число осужденных было 13, в 1897–1900 гг. — 18 и в 1901–1904 гг. — также 18.

Такое же уменьшение констатировано и в американских штатах, отменивших смертную казнь. Из полученных Лигманом сведений видно, что меньшее число убийств совершается в штатах Мэн, Род Исланд, Мичиган, Висконсин и Нью-Йорк; первые четыре штата отменили смертную казнь. Наоборот, наибольшие цифры убийств приходятся на штаты, сохранившие смертную казнь. Разница между числами убийств весьма велика. Так, на сто тысяч жителей в штате Аризона, сохраняющем наказание смертью, было 18,2 убийцы, а в штате Мэн, отменившем это наказание, — всего 0,3. Но сведения, полученные Лигманом, выясняют и другое интересное явление: число убийств в штатах, отменивших смертную казнь, уменьшается. Так, в штате Мичиган на сто тыс. жителей было осуждено за убийства в 1882 г. 0,54, а в 1905 г. — 0,24 человека; в Род Исланде населения в 1852 г. было около 150000, а в 1910 г. 512610 чел., число же осужденных за убийства с 1838 г. по 1911 г. никогда не превышало 2.

Из государств второй группы, в которых смертная казнь не применяется, хотя и не отменена в законе, мы укажем Бельгию. Начиная с 1900 г. уголовная статистика собирает здесь сведения по иному методу, нежели за предшествующий период, и поэтому трудно сравнивать цифры до 1900 г. и после него. Начиная же с 1900 г. по 1908 г. за убийство было осуждено 21, 27, 26, 20, 29, 27, 44, 44, 29 [7]. Только 1906 и 1907 г. дали непомерно большие цифры осужденных; но общее движение этих чисел не говорит о росте убийств. Лигман высчитал, что преднамеренные убийства даже уменьшились в этой стране, а именно в 1861 г. было осуждено на сто тыс. жителей за это преступление 0,6, а в 1910 г. — 0,2.

Отмечая уменьшение убийств в государствах, отказавшихся от смертной казни, мы далеки от утверждения, что именно отмена смертной казни привела к таким результатам; но для нас очевидно, что отсутствие угрозы смертью не оправдало опасений защитников этого наказания: ожидавшееся и предсказанное ими увеличение кровавой тяжкой преступности в действительности не наступило. Основываясь на примере рассмотренных нами стран, мы можем утверждать, что угроза смертной казнью не оказывает приписываемого ей влияния.

Уменьшение убийств — почти повсеместное явление. В уголовно-социологической литературе были сделаны попытки определения причин уменьшения убийств. В мои задачи не входит обсуждение этого вопроса, но не следует забывать, что общий рост культуры оказал в данном случае решающее влияние [8].

Уменьшение убийств наблюдается также в большинстве стран, применяющих смертную казнь. Из нашего статистического очерка применения смертной казни мы видели ее постепенное вымирание: уменьшается число смертных приговоров, увеличивается процент помилований, но это смягчение репрессии и ослабление угрозы смертью не оказали неблагоприятного влияния на убийства. Нижеследующая таблица показывает уменьшение убийств в Германии за 1885–1907 гг. [9] (см. табл. 3)

Такое же уменьшение преднамеренных убийств наблюдается во Франции, в Австрии и др. государствах. Мы ограничимся сообщением цифр из французской и австрийской уголовной статистики (см. табл. 4 и 5).

Таким образом, уменьшение числа осужденных за преднамеренное убийство в Германии произошло в два раза: с 0,39 в 1885 г., до 0,19 в 1907 г., на сто тыс. населения в возрасте старше 12 лет. В Австрии абсолютные цифры осужденных за это же преступление уменьшились также в два раза: в 1876–1880 гг. — 191,3 и в 1907 г. — только 82.

При оценке этого уменьшения не следует забывать, что процент помилований в Австрии достигает значительной высоты: он был почти 97. Во Франции число обвиняемых в преднамеренном убийстве уменьшилось с 258 в 1826 до 178 в 1907 г.

Итак, уголовная статистика не дает доказательств действительности угрозы смертью: уменьшение числа преднамеренных убийств наблюдается в государствах, отменивших смертную казнь или не прибегающих к ней и применяющих ее.

Если от статистики мы обратимся к отдельным наблюдениям, то также встретимся с фактами, доказывающими недействительность угрозы этим тяжчайшим наказанием.

В русской криминалистической литературе, начиная с учебника проф. Спасовича и блестящей страницы в курсе проф. Таганцева, не раз указывалось на полное

Таблица 3. Германия. Предумышленные убийства

Годы	Осуждено	
	Абс. числа	На сто тыс.
1885	126	0,39
1886	144	0,44
1887	131	0,40
1888	95	0,28
1889	107	0,31
1890	133	0,39
1891	88	0,25
1892	144	0,41
1893	114	0,32
1894	110	0,31
1895	113	0,31
1896	108	0,29
1897	101	0,27
1898	106	0,28
1899	79	0,20
1900	89	0,23
1901	84	0,21
1902	103	0,26
1903	86	0,21
1904	94	0,23
1905	91	0,22
1906	93	0,22
1907	82	0,19

Таблица 4. Франция. Обвиняемые в предумышленном убийстве.
Среднегодовые цифры с 1826 г. [10, р. VI]

1826- 1830	258
1831- 1835	289
1836- 1840	297
1841- 1845	289
1846- 1850	324
1851- 1855	301
1856- 1860	234
1861- 1865	212
1866- 1870	238
1871- 1875	252
1876- 1880	239
1881- 1885	265
1886- 1890	277
1891- 1895	266
1896- 1900	217
1901- 1905	199
1906	183
1907	178

Таблица 5. Австрия. Число осужденных 1876–1907 за преднамеренное убийство [11, S. LVIII–LIX]

1876- 1880	191,3
1881- 1885	163,2
1886- 1890	136
1891- 1895	133,6
1896- 1900	116,4
1901- 1905	102,8
1904	92
1905	91
1906	104
1907	82

бессилие смертной казни в борьбе с политической преступностью. Я позволю себе привести здесь следующие верные слова Таганцева:

«Стремление пересоздать государственный или экономический строй, распространить то или другое религиозное верование как революционные двигатели, не могут по самому своему существу сосредоточиваться в определенной личности, а улодбляются скорее гидре Геркулеса с ее саморастущими головами. Движение, так сказать, демократизировалось, а потому истребление, хотя бы и массами, их кажущихся вожяков бессильно остановить самое движение и обезопасить от него общество. Лишь в самом содержании этого движения лежит залог его жизни или смерти.

Если идея, верование, исповедуемые первоначально хотя бы горстью людей, составляют действительно принцип обновления человечества, залог его дальнейшего развития, то ничто не остановит их триумфального шествия: ни потоки крови, ни тысячи человеческих голов. Из-под груды тел, из-под дымящихся развалин и опустошенных городов они вновь явятся – неуловимые, вечно юные, готовые неустанно идти на ловилву душ. Не такова ли история христианства? Как скоро сила в идее, а не в ее носителях, то и легионы палачей не умертвят бессмертную» [12, с. 1132].

Иллюстрациями к этой мысли проф. Таганцева могло бы служить поведение осужденных этой категории на суде и перед казнью. «Я счастлив, – писал один из таких осужденных, – клянусь вам, я не лгу. Как горячею волною смыло с меня в эти минуты всю душевную нечисть, всю ложь».

Среди писем, сообщаемых В.Г. Короленко, мы находим такие, в которых также говорится о бессилии смертной казни: «Я чувствую себя очень хорошо, – читаем мы в одном из этих писем приговоренных к казни. – Смерть для меня ничто. Я знал, что это рано или поздно, но должно быть. Я был уверен на воле, что меня повесят или застрелят где-нибудь на деле. Так вот, товарищ, может ли мне казаться страшной смерть? Да, конечно, ничуть. Я не знаю, как другие, но до суда и после суда я был в одном настроении». Спустя некоторое время этот же автор писал: «Вы спрашиваете, как я провожу время. Определить трудно. Я сам себя не могу учесть в этом случае. Одно могу сказать, что душевно я спокоен. Очень даже спокоен» [13].

Что касается осужденных за преступления, совершенные не из политических мотивов, то недействительность угрозы смертью по отношению к ним отмечалась многими исследователями, и в том числе проф. Ломброзо еще в то время, когда он

был сторонником смертной казни. Индивидуальные наблюдения подтверждают и объясняют уже известные нам результаты статистического обследования недействительности смертной казни. В первом томе труда Ломброзо «О преступном человеке» мы находим страничку, на которой он передает подробности поведения осужденных перед казнью: «...так, Вайль, убийца, шел к эшафоту, распевая во все горло: "Нет, неправда, что смерть — худшее из зол"». Другой убийца говорил священнику: «Для меня умереть — все равно, что принять клизму». Дамалар, на увещание священника покаяться, напомнил ему, что священник позабыл принести ему бутылку вина, обещанную еще 15 дней тому назад. Орсолано во время пути к месту казни делал встречным девушкам неприличные жесты. Бокарнэ говорил то-ропившемуся палачу: «Не беспокойся, без меня там не начнут» [14, р. 359–361]. Проф. Дриль приводит слова юного убийцы в ответ на предложение священника покаяться: «В чем каяться? Я убил и меня убивают: мы — квиль». В докладе, представленном комиссией судебных реформ гражданского и уголовного законодательства французской палате депутатов по вопросу об отмене смертной казни мы находим следующий разительный факт полнейшего бессилия этого наказания как средства устрашения обыкновенных преступников.

Это было в 1894 г. Толпа, собравшаяся на площади Melun, ждала исполнения казни над неким Шерером. Один из зрителей, чтобы лучше видеть казнь, забрался на дерево перед гильотинию. Жандармы пытались снять его оттуда, но он залез еще выше. В это время привезли осужденного, и жандармы были принуждены оставить любопытного зрителя на дереве. Он слез оттуда лишь после того, как нож гильотины отрубил голову осужденного. Год спустя на этом же самом месте, на этой же площади Melun, совершалась новая казнь за преступление, тождественное с преступным деянием Шерера. На этот раз казнили того самого зрителя, который год тому назад любовался с дерева казнью Шерера [15].

Но утверждая, что смертная казнь не устрашает ни политического, ни обыкновенного преступника, и даже соглашаясь, что в некоторых случаях она является в глазах политического осужденного желанным венцом мученичества, мы утверждаем, что она несет с собою тяжкие мучения. Сторонники смертной казни оправдывают ее целями «справедливого возмездия». Эта своеобразная справедливость будто бы требует страдания, наказания, равного тяжести преступления. Такая теория, являясь плодом отвлеченной мысли, не знает или не хочет знать всей тяжести наказания смертью, перед которой бледнеют мучения жертвы убийства. Именно с этой точки зрения была освещена психология казнимого в русской и иностранной беллетристике. На эту же точку зрения встал д-р Н.Н. Баженов. Весь ужас смертной казни, во много раз превышающий ужас жертвы убийства, виден не только там, где под тяжестью смертного приговора осужденный падает на колена и молит о пощаде, но и там, где казнимый умирает, стараясь показать свое хладнокровие и даже радость перед смертью.

Величайшая ошибка сторонников смертной казни, видевших в ней справедливое возмездие, лежит в их мысли, что все наказание смертью сводится к отнятой жизни за жизнь.

Но в громадном большинстве случаев описанные нами в предшествующей главе физические муки смертной казни — ничто в сравнении с психическими муками ожидания смерти, расставания с родными и близкими и отвращения к объятьям палача.

Эти муки приводят к самоубийствам приговоренных. Анкета Вашингтонского тюремного конгресса предполагала выяснить также и этот вопрос, но в присланных очень немногими государствами ответах мы совсем не находим сведений о самоубийствах приговоренных к казни. Не опубликовано официальных цифр и в России, проницакие же в печать сообщения носят случайный характер и не дают правильного представления о действительном числе самоубийств среди приговоренных к казни. Однако в некоторых случаях газетные сведения рисовали тяжелые картины таких самоубийств. Так, 15 заключенных в Александровскую каторжную тюрьму братски поделили между собою яд для своей отравы, чтобы таким путем спастись от смертной казни; в Курской тюрьме приговоренный к смертной казни отнимает револьвер у надзирателя тюрьмы, стреляет в двух своих осужденных товарищей и кончает с собою из этого же револьвера; в Тамбовской тюрьме приговоренный перерезывает себе артерии кончиком стального пера*.

Тяжесть ожидания смерти от руки палача в приведенных случаях самоубийства слишком очевидна. Но нужно быть слепым, чтобы не видеть психических мук смертной казни даже там, где из-под ножа гильотины несутся торжествующие крики анархиста Казерио: «Да здравствует анархия!», где в экстазе идеи, захватившей все существо приговоренного, он пишет в своем предсмертном письме о безмерном ожидающем его счастье — об ожидающей его на пороге его одиночной камеры смерти; где казнимый с гордостью отказывается от повязки на глаза перед расстрелом.

Эту бездну страдания с особенною ясностью раскрывают письма осужденных к их родным и близким. Тот самый Казерио, который отказался подписать просьбу о помиловании и обнаруживал в течение всего хода процесса удивительную выдержанность поведения и ясность смелой мысли, не может удержаться от слез, когда на суде упоминается имя его матери, и после он волнуется, чтобы эти слезы не были неправильно истолкованы, как выражение его робости или раскаяния. Но в его письме из тюрьмы перед казнью к нежно любимой сестре обнаруживается вся тяжесть его душевного настроения. Расставание с родными часто самое тяжелое в судьбе «смертника». Иногда все последнее письмо к родным наполнено просьбами к ним упокоиться, не горевать: «Дорогая моя, неоцененная мамуля, — пишет одна из осужденных, — меня все давит и мучит мысль — что с тобою. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя из-за меня... Единственно, что тяжелым гнетом лежит на мне — это твое горе, моя неоцененная; это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтоб облегчить его... Я надеюсь,

* В Тамбовской тюрьме произошло 5 случаев самоубийства [17]; в Елисаветградской покончил самоубийством приговоренный к казни Христенко [18]; в Екатеринославской тюрьме — Кровоспицкий и Мерешко; в Елисаветградской покончил самоубийством один из 12 приговоренных к казни по делу об убийстве Келеповских [19]. В Самарской тюрьме 16 июня 1910 г. приговоренный к смерти кр. Нефедов поджег в камере постельный матрац и, когда камеру по тревоге открыли, он бросился с лестницы в пролет [20]; застрелился приговоренный к казни в тройско-савской тюрьме [21]; повесился приговоренный к казни в Херсонской тюрьме; в Виленской тюрьме неизвестный, приговоренный к казни за покушение на убийство ген. Гершельмана, облив платок керосином, обвязал им голову и поджег; когда вошли в камеру, увидели горящий факел; неизвестный через несколько минут скончался [22]. По подсчету д-ра Прозорова среди самоубийц, было в 1908 г. 27 самоубийств и в 1909 г. — 49 [23]. См. [24].

родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить; твой упрек единственно для меня тягостный. Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня...»

Эти муки расставания с родными в соединении с муками предстоящей потери жизни становятся еще более невыносимыми. В.Г. Короленко приводит следующее письмо осужденного: «Жизнь приходится считать минутами, она коротка. Сейчас пишу эту записку и боюсь, что вот-вот растворятся двери, и я ее не докончу. Как скверно я чувствую себя в этой зловещей тишине! Чуть слышный шорох заставляет тревожно биться мое сердце... Скрипнет дверь... Но это внизу. И я снова начинаю писать. В коридоре послышались шаги, и я бегу к дверям. Нет, снова напрасная тревога, это шаги надзирателя. Страшная мертвая тишина давит меня. Мне душно. Моя голова налита, как свинцом, и бессильно падает на подушку. А записку все-таки окончить надо. О чем я хотел писать тебе? Да, о жизни! Не правда ли смешно говорить о ней, когда тут, рядом с тобой, смерть. Да, она недалеко от меня» [13, с. 20–21].

Наказание должно быть индивидуально. Таков принцип современной карательной политики в ее борьбе с преступностью. Однако вопреки этому принципу, всякое наказание в той или другой степени отзывается на близких приговоренного. Но противоречие смертной казни этому принципу настолько велико, что оно несет страдания людям, совершенно посторонним для осужденного. Оно несет им даже суамасшествие и самоубийство. О величине этого страдания свидетельствует следующий факт, имевший место в С.-Петербурге: «На петербургской станции финляндской жел. дор. покончил с собою, бросившись под отходивший поезд, 50-летний священник с. Ново-Елизаветинского Днепровского уезда Таврической епархии, о. Александр Пономарев. Он положил свою седую голову на рельсы, и колеса паровоза ее отрезали. Старик приехал в С.-Петербург хлопотать о смягчении смертных приговоров Екатеринославского суда. Потрясенный неудачей, он покончил самоубийством» [25].

Но факты и другого рода также свидетельствуют, что наказание смертью менее индивидуально, чем какие-либо другие карательные меры. Ни одно из других наказаний не вызывало и не вызывает столько протестов, как смертная казнь: учреждаются специальные общества для борьбы за проведение ее законодательной отмены*, на различных собраниях и заседаниях принимаются резолюции с ее осуждением; врачи и чиновники отказываются присутствовать при ее исполнении; иногда с трудом находят палача, известны случаи тяжелых душевных и нравственных страданий и даже помешательства лиц, присутствовавших при приведении приговоров в исполнение.

Противоречие смертной казни принципу индивидуальности наказания мы видим не только в том страдании, которое несет она за собою для совершенно посторонних осужденному лиц, но и в сопровождающем ее нравственном разложении. Наша русская действительность, к сожалению, знает слишком много фактов этого рода. Так, в одной из газет в период деятельности военно-полевых судов сообща-

* Например, в Англии, Бельгии. Учреждение такой лиги в России не было разрешено администрацией.

лось, что, под влиянием известий об этих судах, крестьяне нескольких гмин Стопницкого уезда Келецкой губ. пришли к убеждению, что в настоящее время можно самим судить воров, но только «в поле», и что такой суд является вполне законным.

Собравшись толпой, они переловили известных им воров и семерых из них забивали палками и вилами до смерти, а нескольким даровали жизнь, но предварительно жестоко их избивали и взяли с них присягу, что они более воровать не будут [26]. В Екатеринбургскую консультацию присяжных поверенных явился за советом и был удален оттуда кр. Карабальской волости Хелидов, служивший палачом при Екатеринбургской тюрьме. По его словам, ему было обещано уплачивать за каждого казненного по десяти руб.; он повесил 16 чел. и получил не 160 руб., а только 100 руб., и поэтому желал бы «предъявить иск» [27].

Как в эпоху французского террора дети занимались играми в казни и рубили головы кошкам, так теперь в России дети подражают старшим. Д.Н. Жбанков сообщает о следующих известных ему фактах [28, с. 257–258].

В с. Каушане Бессарабской губ. [29–37] 5-летняя девочка, играя с 3-летним мальчиком «в виселицу», повесила его на крючке возле двери. Несчастного нашли висющим в бессознательном состоянии, и врач едва привел его в чувство. «Амурскому Краю» пишут из с. Травных, что дети кр. Соболева, старший мальчик Илья 12 л. и его младшие брат и сестра, оставшись одни, вздумали играть «в смертную казнь». Повешенным согласился быть Илья, его повесили на полотенце. Совершивши «казнь», дети занялись другой игрой, и вернувшиеся родители нашли Илью уже мертвым. В сл. Покровской Самарской губ., 12-летний мальчик, начитавшись сообщений о казнях, захотел испытать ощущения казненного и повесился. Его нашли уже мертвым. А на другой день, под впечатлением этого ужасного случая, покончил с собой его товарищ. В Смеле 11-летний мальчик Р. во время игры с одноклассницей ученицей К. предложил ей сыграть «в виселицу». Девочка согласилась, и Р. привязал в саду к дереву веревку, сделал петлю, и девочка, просунув в петлю голову, повисла. Она уже начала синеть, высунула язык, тогда мальчик испугался и начал кричать; проходившие около сада освободили девочку в бесчувственном состоянии.

Около ст. Провенишки в половине сентября 1911 г. пастухи затеяли игру «в Столпына и Богрова», причем первым был избран 14-летний, а вторым 12-летний пастушонок. Остальные же пастухи составили суд и приговорили «Богрова» повесить. Они накинули мальчугану на шею веревку и зацепили за забор; мальчик сорвался и повис, и прибежавшие взрослые нашли его уже мертвым. В Царицыне, в садике одного дома, играли 4 ученика среднего учебного заведения, в возрасте 10–13 лет, и во время игры поссорились с младшим. Старшие составили суд и приговорили повесить последнего; тотчас же после суда опутали осужденного веревкой, взнуздали его веревкой же, чтобы не кричал, и потащили к виселице-качелям. Веревка была заброшена за крюк столба, и все трое судивших подтянули несчастного на аршин от земли. Случайно вышедший хозяин прекратил расправу и освободил уже посиневшую жертву. Пришедши в себя, мальчик сильно расплакался, а на родственницу мальчиков это событие произвело потрясающее впечатление. В с. Кустолове Кобелякского у., две родственные семьи С. враждовали между собой, вражда передалась и детям и привела к казни. Два мальчика 14 л. и 7 л. одной се-

мы заманили в темный угол двора своего двоюродного брата 7-летнего Семена, сделали из веревки петлю, накинули на шею мальчика, повесили и ушли; несчастный погиб. У Алушпы найден повешенным на дереве 7-летний мальчик: казнь над ним произвел его 15-летний товарищ.

Мне известны еще два случая.

В Курске трое мальчиков (старшему, реалисту, 12 лет), играя в «судьи военно-окружного суда», приговорили к повешению своего товарища, пятилетнего мальчика К. Г-вича, сына счетовода управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Тут же «судьи» втащили его на чердак и... привели приговор в исполнение. По счастью, в это время мать повешенного мальчика разыскивала его, чтобы позвать обедать. Услыхав возню на чердаке, она бросилась туда. Глазам ее представилось ужасное зрелище: ребенок висел на веревке. Благодаря тому, что веревка не была надета петлей на шею, а завязана вокруг, мальчика удалось скоро привести в чувство. (Рус. Вед. 8 июня).

В ответ на свою просьбу к военному министру проверить сообщение, что в харьковском кадетском корпусе три кадета повесили одного из своих товарищей, депутат Шило получил из военного министерства сообщение, что 26-го февраля сего года, после обеда, кадеты 3-го класса X. и X., позвав в класс кадета того же класса К. и накинув веревочную петлю на шею кадета К., стали тащить его кверху, причем подняли его от пола на четверть аршина. Но появление одного кадета 4-го класса освободило кадета К. Намерения лишить жизни они не имели. Теперь они уволены на попечение родителей. (Рус. В. 20/v, 1910 г.).

«Смертная казнь противоречит принципу восстановимости наказания, которому должно отвечать наказание». Правосудие еще не достигло такой организации, при которой исключалась бы возможность судебных ошибок. Русская действительность знает несколько случаев ошибок при приговорах к смерти. Одни из них удалось предупредить, другие совершились. Так, в Двинске 1905 г. 6 июня Маньковский за покушение на убийство помощника полицмейстера был приговорен к смерти. Приговор был кассирован и при втором разборе дела обвиняемый был оправдан. То же самое произошло с Зелинским. По подозрению в покушении на убийство околоточного надзирателя он был приговорен к казни, а затем оправдан. В начале 1906 г. временный военный суд в Риге приговорил к смерти германского подданного Иогансона и рабочего Земгала. Приговор был отменен, и дело рассматривалось гражданским судом. По приговору С.-Петербургской Судебной Палаты Земгал был оправдан, а Иогансон признан виновным не в разбое, в чем обвинил его военный суд, а в покушении воспрепятствовать должностному лицу исполнить его обязанности и приговорен в тюрьму на два с половиною года. Такая ошибка была совершена Варшавским военным судом, приговорившим к повешению шесть человек за нападение на жилище Покрживы и троих за недонесение к каторжным работам в общей сложности на 45 лет. Приговор был кассирован, и дело рассматривалось Гродненским судом с участием присяжных заседателей, которые оправдали одного из шести приговоренных к смертной казни и трех приговоренных ранее за недонесение к каторжным работам, а остальных пятерых признали виновными, но вопреки решению военного суда не в разбое. Суд назначил высшим наказанием три года арестантских отделений. В Екатеринославле был приговорен к смертной казни убийца начальника Александровских мастерских. Приговор был отменен, так как г. Алек-

сандров не находился на военном положении. В феврале 1907 г. в московских газетах была напечатана телеграмма об отмене согласно всеподданейшего доклада варшавского военного губернатора смертного приговора военного полевого суда Беднарскому, Пиотровскому и Хойнацкому. По словам телеграммы, трое осужденных оказались жертвами лжесвидетельства. Жертвою лжесвидетельства оказался в Москве Кузнецов, приговоренный к казни. После признания московским окружным судом двух свидетелей по этому делу виновными в лжесвидетельстве дело рассматривалось военным судом вторично, и Кузнецов был оправдан. Телеграмма из Одессы, напечатанная в Московских газетах 25 января 1907 г., сообщила: «... выясняется, что повешенные 19 января два брата Трегеры, Оренбах и Грейгерман пали жертвою ужасной судебной ошибки. Они ничего общего ни с анархистами, ни с другими партиями не имели. Они убежали вместе с массою других жильцов из дома, подвергавшегося сильнейшему обстрелу»... В Варшаве Шмигельский и Данек были приговорены к смертной казни за стрельбу в военный патруль. Генерал-губернатор заменил казнь каторжными работами. Но местный судебный следователь, своевременно непредупрежденный о передаче дела жандармским властям, приступил к следствию и установил, что такого факта не было, направил дело по 277 ст. у. у. с. на прекращение. Петровский Окружный Суд 14 сент. 1907 г. делом производством прекратил за отсутствием состава преступления. Оба осужденные отбывают наказание. (Право 1909 г. № 15) *.

Таковы факты. Слишком сухие цифры и слишком живые, вопиющие отдельные слагаемые, из которых слагаются суммы приговоренных и казненных, с одинаковою силою требуют, чтобы смертная казнь была отменена немедленно.

Литература

1. Colajanni N. E necessaria la pena di morte per la difesa sociale? Roma-Napoli, 1910.
2. Statistika giudiziaria penale per anno 1903. Roma, 1907.
3. Пионтковский А.А. Смертная казнь в Европе. Казань, 1908.
4. Olivecrona D. De la peine de mort. Paris, 1893.
5. Ivernès M. Statistique criminelle des Pays-Bas // Revue Péniten. 1909. № 5841.
6. Liepmann M. Die Todesstrafe. Berlin, 1912.
7. Statistique judiciaire de la Belgique. Bruxells, 1908.
8. Colajanni N. L'homicide en Italie // La Revue Socialiste. 1900. № 183.
9. Kriminalstatistik. Statistik des Deutschen Reichs. Berlin, 1885-1887.
10. Compte général de l'administr. crimin. 1906, 1907. Paris, 1909.
11. Österreichische Statistik. LXXVII Band. 3 Heft. Wien, 1910.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М., 1902. 2 т.
13. Короленко В. Блговое явление СПб., 1910.
14. Lombroso C. L'Homme criminel. Paris, 1887. Vol. 1.
15. Chambre des députés. Session extraord. de 1907. № 1260. Rapport fait par M. Gruppi 42.
16. О смертной казни. Мнения русских криминалистов: Сборник с приложением указателя литературы на русском языке о смертной казни. М.: Типо-литография «Русского товарищества», 1909.
17. Русские ведомости. 1909. 22 марта.
18. Русские ведомости. 1908. 30 ноября.

*История судебных ошибок см. у [38].

19. Право. 1909. № 3.
20. Право. 1911. № 33.
21. Право. 1919. № 23.
22. Право. 1910. № 4.
23. Право. 1910. № 50.
24. Прозоров. Самоубийства в русских тюрьмах // Медицинское обозрение. 1908. № 12.
25. Столичная молва. 1908. 27 декабря.
26. Русский голос. 1906. 30 октября.
27. Русский голос. 1909. 20 марта.
28. Жбанков. Приговоры и казни в 1910–1912 годах // Современный мир. 1912. № 12.
29. Русское слово. 1919. 22 августа.
30. Речь. 1912. 16 февраля.
31. Речь. 1912. 5 февраля.
32. Речь. 1912. 8 февраля.
33. Речь. 1910. 9 сентября.
34. Речь. 1911. 6 октября.
35. Речь. 1911. 9 марта.
36. Речь. 1911. 2 апреля.
37. Речь. 1911. 19 мая.
38. Sello E. Die Irrtümer der Strafjustiz und ihre Ursache. Berlin, 1911.